

Двое молодых мужчин из числа госслужащих сидели в шикарном купе первого класса. Кожаные ремни на окнах поражали своей новизной, зеркала под новыми багажными полками так сияли, словно в них мало кто еще успел отразиться; купе украшала роскошная багрово-желтая обивка с изящным узором из драконов, придуманным каким-то геометром из Кёльна. Ощущался легкий, приятный аромат олифы. Движение поезда было бесперебойным — совсем как обмен ценными бумагами, подумалось Титженсу. Состав ехал быстро, но, если бы он стал трястись и подскакивать где-нибудь еще, помимо поворота перед Тонбриджем и некоторых участков пути в Ашфорде, где без этого не обходится и к чему уже все привыкли, Макмастер непременно написал бы жалобу железнодорожной компании — Титженс несколько в этом не сомневался. А может, даже и в газету «Таймс» написал бы.

Они следили за порядком повсюду, а не только в недавно созданном Имперском департаменте статистики под руководством сэра Реджинальда Инглби. Если они видели произвол полицейских, грубость носильщиков, нехватку фонарей на улицах, недостатки в обслуживании граждан или в укладе жизни других стран, они реагировали на это — либо вслух, с бесстрастностью выпускников Оксфорда, либо в письмах в редакцию газеты «Таймс». С сожалением и возму-

щением они вопрошали: «Что же стало с британским тем-то и тем-то?..» Или же писали статьи для серьезных журналов, многие из которых до сих пор существуют, о манерах, искусстве, дипломатии, внешней торговле или личной репутации почивших государственных деятелей и интеллектуалов.

Макмастер, сказать по чести, именно так и поступил бы, но в отношении себя Титженс сомневался. Вот он, Макмастер, сидит напротив — миниатюрный виг с ухоженной остроконечной черной бородкой, такие бородки носят мужчины маленького роста, чтобышний раз подчеркнуть свою непохожесть на остальных; с черными, непослушными, густыми волосами, зачесанными назад твердым железным гребнем; с острым носом, сильными, ровными зубами; в воротнике-бабочке, белоснежном, словно фарфор, в галстук с запонкой в виде золотого кольца из ткани сероголубого цвета с черными крапинками, под цвет глаз, как было известно Титженсу.

Сам же Титженс никак не мог вспомнить, какого цвета его собственный галстук. От департамента до их квартиры он доехал на кэбе, потом натянул брюки, мягкую рубашку, свободное, сшитое на заказ пальто и собрался в путь — быстро, но довольно методично, умудрившись вместить огромное количество предметов в объемистую дорожную сумку с двумя ручками, которую можно закинуть в багажный вагон, если понадобится. Он не любил, когда прислуга трогала его вещи и когда горничная его жены собирала их за него. Ему не нравилось даже, когда носильщики таскали его сумки. Он был настоящим тори, и поскольку не любил переодеваться в поездах, то теперь сидел в купе на самом краю сиденья в своих больших, коричневых, крепких ботинках для гольфа, склонившись вперед, широко расставив ноги и положив на колени большие белые ладони, — сидел и о чем-то думал.

А Макмастер откинулся на спинку сиденья, пробегая глазами текст, напечатанный на маленьких страничках, стопкой лежащих перед ним. Вид у него был сосредоточенный,

он слегка хмурился. Титженс знал, что для Макмастера этот момент чрезвычайно важен. Сейчас он вносил правки в рукопись своей первой книги.

Титженс знал также, что писательская жизнь — сфера неоднозначная, полная тонких нюансов.

В ответ на вопросы о том, писатель ли он, Макмастер слегка пожимал плечами.

«Что вы, что вы, милая леди!» — говорил он интересующейся даме — мужчина не стал бы задавать такие вопросы человеку столь искушенному и опытному. И с улыбкой продолжал: «Какой из меня писатель. Так, балуюсь время от времени. Думаю, я скорее критик. Да! Скорее критик».

Однако Макмастеру были открыты двери гостиных, где среди длинных портьер, бело-голубых тарелок из китайского фарфора, обоев с крупными узорами и больших, чистых зеркал можно было встретить талантливейших деятелей искусства. Он подбирался как можно ближе к милым дамам — хозяйкам этих домашних салонов — и умело вел разговор в несколько менторской манере. Ему нравилось, когда присутствующие с уважением слушали его рассуждения о Боттичелли, Россетти и о тех итальянских художниках, которых он называл примитивистами. Титженс несколько раз видел его в таких салонах. И не осуждал.

Даже если публику, собирающуюся на таких вечерах, и нельзя было назвать высшим обществом, все равно эти встречи помогали продвигаться по долгому и непростому пути к высоким должностям на поприще государственной службы. И хотя сам Титженс был чужд карьеризма, он, как это ни иронично, уважал амбициозность своего друга. Это была странная дружба, но в странности дружбы — залог ее длительности.

Титженс был младшим сыном одного йоркширского землевладельца, и происхождение обязывало его пользоваться лучшими из благ, доступных представителям высших классов. Он был начисто лишен амбиций — впрочем, они вполне

могли возникнуть в будущем, как это обычно бывает в Англии. Он позволял себе небрежность в одежде, в общении, в высказываниях. У него был небольшой личный доход от имения матери и небольшое жалование служащего Имперского департамента статистики, он был женат на богатой женщине, поддерживал тори и умел талантливо и метко шутить в разговоре, чем и притягивал к себе внимание. Ему было двадцать шесть лет, но он отличался рослой и по-йоркширски нескладной фигурой и весил куда больше, чем полагалось в его возрасте. Его начальник, сэр Реджинальд Инглби, с огромным вниманием слушал, когда Титженс рассуждал об общественных течениях, влияющих на статистику. Иногда сэр Реджинальд говорил: «Титженс, да вы ходячая энциклопедия точного знания о материальном мире!», и тогда Титженсу казалось, что это — его прямая обязанность, и он принимал похвалы молча.

А вот Макмастер на его месте непременно ответил бы сэру Реджинальду что-нибудь вроде: «Вы очень любезны, сэр Реджинальд!», и Титженс находил это весьма уместным.

Макмастер был старше по должности и, вероятно, по возрасту. О его годах и происхождении Титженс имел самое расплывчатое представление. Судя по всему, Макмастер родился в Шотландии, и со стороны казалось, что он получил хорошее религиозное воспитание. Однако в действительности он вполне мог оказаться сыном бакалейщика из Капара или носильщика из Эдинбурга. Когда имеешь дело с шотландцами, это не столь важно, к тому же Макмастер и сам предпочитал не распространяться о своих корнях, и окружающие, привыкнув к этому, и вовсе перестали интересоваться сим вопросом.

Титженс радушно принимал Макмастера всегда и везде: и в Клифтоне, и в Кембридже, и на Чансери-лейн, и в их квартире на Грейс-Инн. К Макмастеру он испытывал глубокую привязанность, даже благодарность. Макмастер, судя по всему, старался отплатить ему тем же. Он всегда старался

услужить Титженсу. Уже работая в Казначействе личным секретарем сэра Реджинальда Инглби, Макмастер в разговорах со своим начальником всячески расхваливал своего друга, который в то время еще учился в Кембридже. Сэр Реджинальд в то время как раз подыскивал молодых людей, которым мог бы поручить заботу о своем «детище» — новом департаменте, и потому с радостью принял Титженса на работу своим вторым заместителем. В свою очередь Макмастера в Казначейство когда-то отрекомендовал именно отец Титженса, который рассказал о талантливом юноше сэру Томасу Блоку. И конечно, именно родители Титженса (точнее сказать, его мать) одолжили Макмастеру некоторую сумму, на которую тот смог доучиться в Кембридже и устроиться в Лондоне. И он уже частично оплатил за это — например, тем, что поселил Титженса в квартире, которую арендовал, когда Титженс приехал в город.

Отношения у них были добрые и непринужденные. Титженс вполне мог зайти утром к своей светловолосой, пышнотелой, доброй матери и сказать:

«Мама, послушай! Помнишь того парня, Макмастера? Ему нужно немного денег, чтобы закончить университет».

И она ответила бы:

«Помню, милый. Какая сумма его устроит?»

Молодой англичанин из низшего сословия счел бы такую помощь проявлением классового долга, но Макмастер смотрел на это иначе.

Когда в жизни Титженса случилась беда — четыре месяца назад его жена уехала за границу с другим мужчиной, — Макмастер поддержал его так, как не смог бы никто больше. Когда дело касалось чувств, Титженс отличался неизменной молчаливостью. Он считал, что говорить о чувствах бессмысленно. Да и думать о них — тоже.

Само собой, побег жены потряс его так сильно, что он и сам не до конца осознавал это, но о случившемся высказал слов двадцать от силы. И почти все из них — своему отцу,

высокому, крупному седоволосому мужчине с очень прямой спиной, который в тот день плавно вошел в гостиную Макмастера и Титженса на Грейс-Инн и, помолчав с пять минут, спросил:

— Так ты будешь с ней разводиться?

Кристофер ответил:

— Нет! Только мерзавец обрек бы свою жену на такую муку, как развод.

Мистер Титженс ждал подобного ответа. Вскоре он задал новый вопрос:

— Но ты разрешишь ей развестись с тобой?

Кристофер ответил:

— Если она сама захочет. Не стоит забывать о ребенке.

Мистер Титженс спросил:

— Ты позаботишься о том, чтобы ее часть имущества досталась сыну?

Кристофер ответил:

— Если получится осуществить это мирным путем.

— Ясно, — проговорил мистер Титженс.

А через несколько минут добавил:

— Твоя мама чувствует себя очень хорошо.

А потом:

— Наш механический плуг сломался.

А потом:

— Я буду ужинать в клубе.

Кристофер спросил:

— А можно я приведу с собой Макмастера, сэр? Вы говорили, что сможете его там устроить.

— Да, говорил. Там будет старый генерал Фоллиот. Он ему поможет. Стоит с ним познакомиться. — И он ушел.

Титженс считал, что его отношения с отцом почти идеальны. Они были словно два члена одного клуба — уникального клуба — и мыслили столь похоже, что можно было и не разговаривать. Прежде чем преуспеть на поприще землевладельца, Титженс-старший долго жил за границей. Через